

Даниэль Агрон

16+

Жизнь, любовь и белое облако

Рассказы

Даниэль Агрон

**Жизнь, любовь и белое
облако. Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Агрон Д.

Жизнь, любовь и белое облако. Сборник рассказов / Д. Агрон —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Поразительно лирические, иногда неожиданные и шокирующие откровения о жизни, а также об удивительных героях, в которых мы можем узнать себя самих.

© Агрон Д., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Сборник рассказов	5
Принципы нашего посёлка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Даниэль Агрон

Жизнь, любовь и белое облако. Сборник рассказов

Сборник рассказов

Принципы нашего посёлка

Имя ему выбрала тётка, сестра отца. Она была неспешная, но сильная и вечно озабоченная, суровая и немногословная. Была ли она доброй вообще – трудно сказать. На работе её боялись и считали злой глыбой. Муж её от неё сбежал; так считали женщины на работе. Она по этому поводу ничего не говорила. А вообще, на севере ни о чём личном толком не говорят. Всё варится, иногда взрывается – и перегорает где-то в самом человеке, зачастую унося с собой на тот свет и носителя. Так что, тётка была загадочная и непроницаемая. Но племянника любила. Муж исчез, не оставив ей даже ребёнка. И дом её был пуст. Если бы не Макс.

А в другой половине её жизни был непутёвый брат с традиционным набором провинциальных добродетелей: пьяница, неудачник, рабочий завода с вредным, а вернее, с убивающим производством. И жена – бледная тень, родившая ему ребёнка, кажется, совсем уже по инерции, потому что так надо, и потому что у всех так.

Мальчик был слабенький – да и откуда ему было взяться крепким – а мать, вероятно, ощущая всю несуразность такой жизни, выбрала заболеть и поскорее из этой жизни уйти. Дело для провинции обычное.

Тётка, собственно, и не сомневалась, что племянник останется на её попечении. Ещё когда он родился, родители показали себя во всей красе, будучи не в состоянии выбрать ему имя. Тёткин брат, и по совместительству папа, мотался по посёлку и выяснял с собутыльниками смысл жизни – справедливости ради, иногда заглядывая домой, чтобы снова обмыть новорожденного – а мать появившегося на свет человечка была занята сном, плачем и тем, что тётка называла «истерить». Молока у неё не было, и сумрачная тётя раздобывала через знакомую проводницу лучшее детское питание из Европы, прямо из Финляндии через Питер. Всеми, что продавалось в России в части детского питания, она перестала доверять сразу, как только увидела маленькое тельце новоявленного родственника. И при том, что в головах у её соседей, да во многом и у неё самой была разорённая Советская власть вперемешку с крепостным правом, появившийся малыш включил в тётке фактор глобализации на полную катушку.

В общем, тётке родился племяш, и искупил, а также компенсировал всё, чего ей в жизни не доставало. Попросту говоря, он родился ей, а не другим.

И когда пришла пора давать имя ребёнку, она в ответ на глупейшие, вялые и неконструктивные споры просто и веско сказала:

– Максимом будет.

Никто не возразил.

Папаша, залетевший в дом очередной раз за два дня, принял было сестрину констатацию факта за покушение на свои отеческие права, но в ходе застолья на кухне быстро убедил себя, что это его идея и есть.

... И через восемь месяцев замёрз на автобусной остановке. Она была заброшена, эта остановка, и не действовала. А он после застолья (стоя, на детской площадке – и, честно говоря,

это было совсем уже до беспамьятства), перепутал остановки. И вместо своей сел ждать на этой, заброшенной.

А кто же на неё приедет-то? Автобус уже несколько месяцев, как ходил в другой стороне; да, кажется, в это время его и не было уже, этого автобуса.

Вот он и заснул, и не проснулся.

Похоронив брата, тётка некоторое время глядела на холмик. Глаза её в кои веки раз покраснели. Потом сказала:

– Ну, что... Раз так, значит так, Витька. Ты там, это... хоть там человеком-то будь. Ладно... Упокой тебя Господь.

... А через двадцать лет Максим Викторович, тёткин племянник и практически сын – ибо невестка побывала мамой четыре года и, как было сказано выше, избрала мир иной, где, по её разумению, наверное, ей лучше подходило... – уходил в армию.

Почему через двадцать, а не восемнадцать – а потому что колледж окончил, кулинарный. Что тётка гордо называла «закончил техникум». Честно говоря, оно бывшим советским техникумом и было, только с другим названием. Но Максим получил специальность «Кондитер» и тётка ходила с таким чувством удовлетворения, как будто сама обрела докторскую степень по экономике вместе с отремонтированным домом, новым туалетом в саду, и приглашением в зрительскую аудиторию телешоу.

Вместе с Максимом, соответственно, Викторовичем чуть ли не в армию, и чуть ли не лично (такое было ощущение) провожалась (потому что не знаешь, как ещё это и назвать) максимовская девушка Лена.

Девушка Лена была, наверное, единственным, что натурально отравило жизнь Надежды Георгиевны, прочно и надолго. Да так, что она, Надежда Георгиевна (как вы поняли, та самая тётка Максима) сдала в здоровье и посуровела куда больше прежнего. Она была свято уверена, что девушка Лена послана в наказание за все её грехи, и даже вопрошала Всевышнего, когда же она, Надежда, умудрилась столько напоганить, что её Максиму прислали вот эту Лену).

Проблема была в чувстве. Внутреннем. Да, девушка Лена без конца говорила «люблю-люблю-люблю-люблю» и писала Максиму бесконечно во всех приложениях. Она смотрела на него неотрывно порочно-коровьими глазами из-под густо накрашенных ресниц. Она не просто ходила с ним, а прямо висела у него на руке. В основном, в посёлке девушки так понимали выражение чувств

И Максимка её (тёткин) стал как бы уже и не её (не тёткин). Нет, он был по-прежнему добрый и внимательный.

... Тётка всегда так и говорила: «Пусть рожей и кожей не вышел, и звёзд с неба не хватает – зато хороший он у меня. Добрый. И внимательный! Не то, что Варькин (Нинкин, Гульнаркин... и далее назывались различные подруги и соседки в вариациях). Надёжный!». И насчёт Максима была права.

... Так вот, хороший, добрый, внимательный и надёжный Максимка превратился в половину или даже треть себя. Остальное пропадало на свиданках с яркой и шумной (если честно, немного даже вульгарной) Леной. Либо, если племяшка был дома, залипало в недорогом китайском смартфоне, истово крутя с Ленкой, как он думал, настоящую любовь.

«Какая, к хренам, любовь! – негодуя, переживала тётка, ворочаясь в постели ночами. Постель уже десятки лет была одинокой, потому что, на самом деле, в своё время не простила кобеля и рассталась с ним, а потом как-то незаметно вползла в ситуацию рабочей лошади, живущей чужими (брата и невестки, а потом племянника) интересами.

«Максимка чистый, неиспорченный (что было чистой правдой до встречи с Ленкой), а эта!.. Ещё со школы со старшеклассниками гуляла. Вся в мамашу! А любовь-то притворяется, крутит! Стервь. Как есть – стервь!».

Насчёт старшеклассников было, пожалуй, натяжкой. Первая и пламенная любовь Максима Ленка ещё со школы добросовестно гуляла с ребятами из техникума (то есть, колледжа). Где с Максимом и познакомилась, на всеобщую беду и на её, тёткино, несчастье.

Казалось бы – что такого. Ну, уйдёт парень в армию. Ну. Найдёт эта Ленка себе другого – да кто бы сомневался? Как пить дать, больше недели не высидит! А может, у неё и кто-то другой есть сейчас, да и хрен бы с ней. Раньше другого найдёт – раньше от Максимки отвалит. Но!..

Откровением и зловещим, даже чёрным предзнаменованием для тётки стал подарок племянника Ленке, стерви (как было указано ранее) и паскуде (а что это проявится раньше или позже, тётка не сомневалась, как в приходе белой зимы после их поселковой жуткой осени).

Племянник не то, что подарил ей, а ещё и тётке показал – два обручальных кольца! Да, дешёвых. Да, простеньких. Зарабатывал, где мог, бедняга. Суть колец убила тётку наповал. Зная племяшку как беспредельно верного и преданного человечка, она прямо как в кино видела: вот он, возвращается через год, весь в надеждах, и его встречает эта хитрая, подлая и бесчестная девка, которая всё это время не то, что не ждала – ага, губу раскатали! – а нагло перегуляла со всем посёлком и со всем областным центром. И вот, встречает она его, захомутила, поработила, детей завела – ещё иди, знай, от кого! – а дальше... При мысли о последующей несчастной Максимкиной жизни на тёткины глаза наворачивались скупые слёзы. Дело не только в том, что Ленка отличалась моральной нестойкостью. Дело в том, что она, как и её мамаша, была феноменально душевно и духовно пуста. Ни стыда, ни совести – это было аккуратно про неё. И девочка была даже не виновата. Она просто была органическим продолжением своей семьи. И счастья там было не видать.

Утром она поднялась, привела себя в порядок. Выглянула в окно. Максимка играл во дворе с собакой, кормил её и ласкал. Как и много лет назад. Только собака тогда была другая.

У тётки внутри всё оборвалось. Она вдруг поняла, что счёт идёт на дни, месяцы, или часы – ну, в общем, на какие-то там единицы времени, и племянника, родную кровь, пора спасать.

Тётка вышла во двор. Солнце светило, против обычного, ярко. Максимка подбежал вместе с юлящим псом.

– Далеко собралась, мам? – спросил он.

И вот с этим тётка ничего сделать не могла. Через год после ухода матери мальчик впервые назвал её «мама». «Какая я тебе...» – начала было тогда отповедь тётка, но осеклась. Только предупредила, чтобы при людях так к ней не обращался. С этим секретом они и жили.

... А сейчас она смотрела на невысокого паренька, пусть ничем не приметного, но постепенно превращавшегося в мужчину; и не потому, что отведал прелестей земной любви с проклятой Ленкой – это-то было и раньше с девочкой из техникума... простите, колледжа, только ни во что серьёзное, конечно, не переросло. Нет, дело не в этом. Максимка вызревал как тихий, негромкий, но настоящий человек, с теми самыми устоями и принципами, которые самца человеческой породы мужчиной и делают. И тётка, глядя в ясные глаза племяшки, поняла, что до сих пор в жизни толком, оказывается, ни разу и не боялась. И что, оказывается, впервые в жизни по-настоящему испугалась сейчас. И решение окрепло в ней окончательно.

Решение просить помощи.

Ибо железная, твёрдая и непререкаемая, она всю жизнь помогала сама. А что-либо обратное, в свою сторону, даже не предполагала. Но – времена наступили иные.

– К Лиде пойду – сказала она и сделала то, чего не делала почти никогда. А именно, потрепала Максимкины волосы.

– Ну, мам... – сказал племянш, расплываясь в улыбке, – причёсывался же... А что к Лиде идёшь?

– Да надо, – сказала тётка, глядя в сторону. Давно не была... да и дело есть. Поесть-то не забудь. А то скоро как на армейские харчи сядешь...

– А ты что, к обеду не придёшь? – удивился племянник.

– Может, и не приду. Не успею – загадочно ответила тётка. – Дело такое... уж куда важнее.

Ленка даже не знала, как себя чувствовать. Вроде, завтра уходил в армию, её парень. Во всяком случае, тот, который был в глазах её и окружающих её парнем. Жизнь была, как жизнь. Какая есть. Если честно, пока никакая.

Ленка родилась в эпоху уже плоских телевизоров (хотя в детстве старые ещё встречались, а у пары бабушек и до сих пор дома стояли) и выросла при смартфонах. Но вокруг всё равно был посёлок. И за исключением тупого и пустого телевизора, у взрослых почти ничего не было. У молодёжи был интернет. В десятки раз более тупой и пустой. Парни росли ограниченные и обычные. Девки росли ограниченные и обычные. Все делились на удачников и неудачников. Удачники были те, кто уехал – в Москву,

реже в Питер, или в областной центр (вариант на троечку, разве что в крутую фирму или в полицию устроиться). Неудачники чего-то делали тут, или, вернее, делали вид, что делали. С неудачником ходить в посёлке означало то, что ты сама какая-то дефективная, или законченная дура, или просто ценности людской не имеешь – так было усвоено со школы. Быть за поселковым местным замужем чаще всего означало конец судьбы. И лишь взрослые, умудрённые жизнью женщины, в одиночку поднявшие свои семьи, жёсткие и готовые постоять за себя и своих, пользовались непререкаемым уважением.

Максимова тётка сама была такой, и к одной из таких направлялась в тот исторический день.

... Ленка не то, чтобы не испытывала к Максиму никаких чувств. Скорее, она не испытывала никаких особенных чувств вообще. Но, как поселковая образцовая девушка, она твёрдо знала: без парня нельзя. Каждый день, проведённый без парня – потерян и закладывает основу твоей несчастной и одинокой жизни, и будешь ты, как дура позорная. С Максимом было неплохо. Только был он какой-то... Как-то всё время рядом и всё время вместе. Другие парни – за ними надо было бегать и добиваться. А этот всё время рядом... да ещё и после армии уже что-то планировал. Ленке это было непонятно. И пугало даже. Но и придраться было не к чему.

Поэтому Ленка жила проще. Она сидела на всех сайтах знакомств. И, поскольку на дворе были уже нынешние годы, паслась во всех приложениях на эту же тему – и в телефоне, и в компьютере. Были бы приложения и сайты знакомств на стенах, во дворе и у бабушки в комод, она бы и на них всех сидела.

На тему, в смысле, обретения парня как счастья.

Ну, такое у них представление о счастье. Другого нет.

Девушка Лена была хоть и не модель, но видная и, как говорит старшее поколение, справная. Вдобавок, ещё и блондинка. Всевозможные кавказцы, арабы и прочие экзотические мужчины писали ей десятками. Но Лена была достаточно наслышана о свойствах и намерениях этих мужчин, в том числе, от собственной мамы, и планы на жизнь у неё были совсем иные. Ленка была твёрдо нацелена попасть в первый сегмент удачников, иными словами, искала мужа в Москве.

А Максим – ну, что Максим... Ну, нормальный так... Но не предел мечты. Ох, не предел. Самому ещё выбиваться в люди. Да и вообще, не она же его в армию гнала... Мог бы и не пойти, способов масса. Нет же, правильный он. Ну и пусть идёт. Проводить – она его проводит, как честная. А вернётся – найдёт себе. Не её же это забота, правда?

– Дело такое, Лидка – сказала тётка, закончив все предварительные процедуры, а именно: чаепитие, пробу новых пирогов и закусок как от Лиды, так и от родственников Лиды, и обсуждение всего, что произошло за истекший период как у Лиды, так и у самой тётки, а также всех их дальних и близких родственников. – Про Ленку хочу поговорить.

– Про максимовскую, что ли? – понимающе кивнула Лида.

Тётку передёрнуло.

– Господь с тобой, Лида! Ну, какая она максимовская, а? Бедный парень...

– Да ладно тебе, Георгиевна (ибо таково было тёткино отчество) – сказала беззаботно Лида. – Дело молодое. Погуляли? Ну и ладно. А вернётся – найдёт себе хорошую девчонку. Ты ж не думаешь, что она его ждать станет? Или что, не знаем её, какова сама и чьих будет? А?

– Кольца купил – после мхатовской паузы сказала тётка.

Лида поднесла ладонь ко рту.

– Не жить мне, Лида, теперь, если что. – добавила тётка (в смысле, Георгиевна). – Всю жизнь растила. Своих не дал Господь – думала, так вот счастье будет, и человека выращу. Вырастила... Для кого? Для этой проשמандовки малолетней?

– Ага... И для этой мамашки... Ой, горе-то... – промолвила Лида, и задумалась.

Тикали часы с надписью «Юрий Гагарин. 50 лет первого полёта человека в космос». За окном какая-то мамаша орала на какого-то ребёнка. То есть, конечно, было понятно, какая и на какого именно, но сейчас это было неважно. Да и разве вообще это важно?

– Так!.. – вдруг, преображаясь и распрямляясь, сказала Лида. – Не дадим мы, чтобы это было. Максимка наш... Не пустим!.. Светка! – закричала она что есть мочи в глубь квартиры. – Светка-а-а!..

– Мам, ну что кричишь? – спросила Светка, дочь Лиды и через несколько месяцев выпускница школы, появляясь в дверном проёме. – Я прямо испугалась. Того гляди, стёкла вылетят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.